



Матис и завтра я родилась

Алла Бабак-Эрдман

18+

Алла Бабак-Эрдман

Матис и завтра я родилась

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72953582

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда в растерянности, свернул не туда или же вообще уткнулся в тупик, порою кажется, что небо сейчас рухнет на тебя, окончательно раздавив остатки надежды. Но именно там, за небом, бескрайняя Вселенная, с ее бесконечными возможностями и новыми горизонтами, которые и привели тебя в эту, на первый взгляд, безвыходную, но такую важную и нужную ситуацию...

Содержание

1	4
2	8
3	10
4	13
5	20
6	27
7	29
8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алла Бабак-Эрдман

Матнас и завтра я родилась

Я боюсь поцелуя:

Он пчелиный укус,

Днем и ночью влачу я

Страху тягостный груз.

П. Верлен

1

«Его лицо никогда не выражает эмоций, а внешность привлекает роли злодеев и самых отъявленных мерзавцев. Обладателя такой утонченной фигуры в сочетании с высоким ростом всегда желают отхватить лучшие хореографические заведения. Но в этот раз повезло не им! Повезло режиссерам миниатюрной Дании, а потом и всего мира! Видеть в кадре эти широкие плечи, стройные ноги и грозный взгляд, которому на самом деле мог позавидовать самый опасный викинг – большое везение. А какая актерская игра?! Видимо именно по этой причине его «Таежник» претендует на статуэтки всех номинаций премии «Бодиль» и готовится предстать перед судейским обществом Канн. Произведет ли он эффект взорвавшейся бомбы, или пройдет тихой поступью нового героя – время покажет!» – нарочито громко прочитал я в га-

зете, сделав глоток утреннего кофе.

– Ты считаешь это очередной большой фантазией какого-то журналиста? – спросил Ларс.

– Конечно. И замечу наверняка женщины-журналиста. Женщинам свойственны преувеличения, а их воображение иногда может зайти в такие непролазные дебри мыслей, что мы, мужчины, кажемся на их фоне жалким подобием разумного существа, – ответил я, покорно смирившись с участью безмозглой медузы. – И потом, какой новый герой? Мне пятьдесят один, и половину этого срока я снимаюсь. Немного поздно для восхождения на пьедестал обожания.

– Почему так обреченно? – засмеялся Ларс, надевая на себя черного цвета пиджак. – Они тебя любят! А те, кто еще не успел, очень хотят полюбить! Я говорю сейчас не как твой друг, а как режиссер, который очень пристально следит за судьбой своих кинолент.

– При этом ты прекрасно знаешь, что это все не про меня. И еще ты знаешь, что я люблю неделями не мыть голову, отъедать на диване живот и ходить в магазин в домашней одежде. – Я в очередной раз пытался понять, почему Ларс выбрал меня для этой роли. Конечно, мне было лестно, но больше мной руководил интерес узнать, что в его голове. Снимаясь в его фильмах, дубль за дублем я каждый раз мучил его вопросами о том, что он хочет видеть в конце. А он при этом мучил меня отсутствием каких-либо ответов. Постановка задач, обсуждение эмоций и апофеоза последней сцены. Нет,

это было не про Ларса. Иногда мне казалось, что, начиная новый проект, он не всегда видел результат, которым проект должен был закончиться. Я никогда об этом ему не говорил, поскольку, судя по наградам, в том числе и моим, это было совсем не важно. Ларс делал свою работу хорошо, как и полагается профессионалу.

– При этом при всем, я знаю, что для съемок ты будешь по пять часов пахать в зале, чтобы убрать этот живот. А твоя голова меня не волнует. Пусть об этом думают гримеры. Нам пора. Одевайся.

Несмотря на известное название отеля и большое, просто огромное количество звезд, мой номер был похож на тысячи предыдущих, ничем не примечательных, номеров. Плотная ткань штор закрывала большие окна так, что день становился безжизненным. Нескончаемое число комнат, зеркала в золоченых обрамлениях, аляповатая мебель, которой, в действительности никто никогда не пользовался, придавала номеру уныние и тоску.

– Зачем они опять сняли такой номер? – сказал я Ларсу, надевая до блеска начищенные ботинки.

– Не знаю, – равнодушно ответил он, – наверное хотят оправдать стоимость тура.

Пока мы поднимались на крышу, чтобы ответить на вопросы журналистов, я вспомнил Мексику. Как организаторы забыли сказать съемочной группе про речного паразита, который проникает внутрь тебя, пока ты писаешь в во-

ду. Как, спасаясь от дикой жары, и актеры, и техническая команда остужались в реке, не подозревая, что ждет нас впереди. Как пришлось отложить на две недели съемки, потому что мы все, включая даже нашего повара, лежали пластом, делая в живот уколы. Я, пожалуй, один из немногих был доволен такими условиями. Дома, в которых мы жили, имели незамысловатую конструкцию из столбов и крышной фанеры. Кухней служили деревянные лавки, а местом для мытья все также река, только мы уже знали, что справлять нужду в воду нельзя. И я вернулся бы туда снова, потому что вместо журналистов там были местные жители, которые не знали, что такое телевизор, и искренне недоумевали почему мы игнорируем лесных клопов в качестве пищи.

2

– Как вы относитесь к одиночеству?

– Непосредственно, – улыбаясь, ответил я журналисту.

Такое мое поведение на пресс-конференциях особенно нравилось Люку, моему агенту. Он часто спрашивал меня, когда я успел придумать ту или иную шутку, чтобы повеселить публику. По мнению Люка, успех был гарантирован только в случае скрупулёзно продуманного сценария, написание которого, в том числе, и было его работой. Я никогда не просил писать для меня, поэтому, если что-то получалось без четко выстроенного плана, он не верил и считал, что я веду двойную игру. Конечно, я всякий раз убеждал его в том, что просто остаюсь собой. Но он не верил.

По правде говоря, Люк был напыщенным петухом, который без мыла влезет в задницу, когда ему что-то нужно. В киношной тусовке его многие любили за такое вот умение. Но также многих он раздражал, поскольку все, за что он брался имело ошеломительный успех. Но работал я с ним по причине, которая вряд ли кого-нибудь могла заинтересовать. Еще тогда, когда мы теряли время на скучных лекциях профессора Моллера, изучая при этом гениальную систему Станиславского, он сказал, что будет успешнее меня. Совершенно очевидно, что дело закончилось пари. И Люк, легко справляясь со всей этой коммерческой тягомотиной, стал

очень востребованным агентом. Но тогда, давно, в одном мы были солидарны – как нужно было Моллеру не любить свое ремесло, чтобы так неумело давать учения великого педагога?!

– Быть одиноким и быть в одиночестве – это совершенно разные вещи. Если говорить про моего героя, то он совершенно осознанно выбрал одиночество, лишив себя всякого рода контактов и связей. Опустошил свою жизнь, чтобы наполнить ее чем-то для себя значимым. И мне кажется, у него неплохо получилось. Вы как считаете? – произнес я, отзеркалив вопрос на ту сторону баррикад.

В зале прошла волна шепота, после которой Ларс стал отвечать на вопросы по трейлеру и благодарить всю команду, которая работала над картиной. Дальше шла автограф-сессия и несколько традиционных встреч с представителями всего и сразу. В отличие от Люка, который считал, что совсем не премьерный показ, а именно пресс-конференция является кульминацией всего съемочного процесса и возносит актера на олимп, я не любил всю эту болтовню. Конечно, я знал, что это важно, и, конечно, Ларс просил меня потерпеть и быть приветливее. Я надевал костюм, иногда даже шутил, но искренне недоумевал зачем что-то говорить людям, которые пишут девяносто пять процентов отсебятины?! Для чего?! У зрителя все равно сложится свое мнение. Его не обманешь.

3

– Они написали, что ты редко улыбаешься, потому что делаешь это, как Бог! – сказал Люк, подойдя сзади.

– На этом можешь закончить, – ответил я, продолжая смотреть на картину Зинаиды Серебряковой «Баня». Она была такой огромной, что я стоял, задрал голову, и пытался рассмотреть каждую деталь полотна. Эти тучные молодые женщины были настолько нелепыми, насколько невероятно красивыми.

– Матиас, почему ты так не любишь внимание? – спросил Люк. Он подошел ближе к картине и прищурил глаза, потом скорчил гримасу отвращения и отошел. Лицо его при этом выражало искреннее недоумение. – Слава – неотъемлемая часть твоей работы. И как можно хорошо играть, никогда не купаясь в ее лучах?

– Не верь тому актеру, который говорит тебе, что не любит внимание. Ты сам прекрасно знаешь, что без него, мы, актеры, никто. И, конечно, я люблю купаться в славе! Только дома, за занавеской своего окна, с банкой пива, находясь в окружении друзей. А вот, что я действительно не люблю, так это то, каким меня придумывают. Рано или поздно устает от чуши, которую пишут незнающие тебя люди. Почему у тебя такое лицо?

– Потому что это совсем некрасиво, – сказал Люк, махнув

в сторону «Бани».

– Разве? – засмеялся я в ответ, – а вот там написано, – продолжил я, указывая рукой в сторону автопортрета художницы с описанием хронологии ее творчества, – что талант ее был признан еще при жизни, в начале двадцатого века.

– Ты это серьезно?

– Согласен, дамы не совсем в моем вкусе, но если серьезно, то женщины не могут быть некрасивыми. Такими их делаем мы. Своим безразличием либо требовательным, настойчивым вниманием. Также, как и они делают нас несчастными, или жалкими, или очень значимыми. Смотри, какая! – сказал я, когда мы подошли к полотну «На пляже». Что увидел Люк, не знаю, а я – расслабленную привлекательную фигуру девушки. Она лежала, безмятежно развалившись под солнцем, окруженная большими каменными глыбами. Я мало, что понимал в изобразительном искусстве, но эти картины вызвали у меня неподдельный интерес.

– Тут не видно ее лица. Почему ты так думаешь? – спросил Люк, пальцем блуждая по экрану своего телефона. Он совсем меня не слушал, явно скучал и был не прочь скорее закончить нашу культурную программу.

– Потому что некрасивы не они, а глаза, которые на них смотрят, – сказал я, но Люк уже разговаривал с кем-то по телефону. Когда я прошел все залы и вернулся в самое начало экспозиции, он с умоляющим лицом страдальца сидел на стуле музейного зрителя и ждал, пока мы заберем его.

Ну как мы?! Я заберу. Ларс, который и был инициатором посещения этой выставки, присоединился к нам позже.

«Мы должны туда пойти, понимаешь? – сказал он скорее мне, чем Люку, – координаторы пригласили, отказать я не мог»!

«И именно поэтому ты нас отправил в эту цитадель огромных женщин, а сам остался разгоняться!?» – возмущался Люк такой несправедливости. Уговаривать его участвовать в такого рода пост-премьерных мероприятиях не приходилось. Лечь в кровать, упустив возможность обзавестись новыми связями? Да еще и международными! Никогда!

4

Я стоял, прислонившись плечом к стене, и думал о том, как же все-таки она писала их? Сквозь пар и пену, и темноту, сидя среди мыла и голых женских тел, которые при всем своем размере, казались такими изящными.

– Что с тобой? Не веселый ты какой-то, – сказал Ларс и протянул мне рюмку.

– Впечатлился просто, – ответил я, сделав глоток холодного напитка. Мы сидели в полумраке за большим столом какого-то ресторана и наблюдали, как Люк общается с Костей, организатором тура в этом городе. Разговаривали они также оживленно, как опустошали графины с водкой и ведра со льдом. Еще очень громко пел какой-то певец.

– Красивыми женщинами? – спросил Ларс, рассекая рукой воздух и указывая в сторону большого пространства, наполненного искусственным дымом и человеческим теплом. Туда-сюда сновали официанты, одетые так же, как и мы, в черные костюмы-тройки.

– Нет, друг! – покачал я головой. – Это без меня. Слишком непросто дался развод с Анной.

– Как она?

– Наверное хорошо, – произнес я, пожав плечами. Я действительно не знал, как у Анны дела, но искренне надеялся, что она в порядке.

– А ты как? – спросил Ларс серьезно.

– Работаю, – ответил я и, опрокинув рюмку, залпом допил ее содержимое.

Личное всегда оставалось за кадром нашей деятельности, и, создавая кино бок о бок, мы никогда не обсуждали подобного рода вопросы в такие моменты. Так получилось и в этот раз. Ларс был сосредоточен на картине, а я немногословен, поскольку не мог позволить, чтобы развод каким-либо образом отразился на съемочном процессе, а уж тем более, чтобы Ларс видел его отголоски в кадре. Конечно, он удивился, когда в Нью-Йорке я появился один, без Анны, как и Люк, который тоже ничего не знал, и сначала даже запаниковал немного, потому что американская пресса была слишком ядовитой. Потом, правда, он увидел в этой ситуации больше плюсов, чем минусов. Для себя, для нас, для всей рекламной компании. И успокоился. Понятия не имею, что он там придумал, но в тех многочисленных интервью, которые я давал и продолжаю давать, нет ни единого вопроса про брак. Пожалуй, Люк и команда больше меня думали, как выйти из сложившейся ситуации в такой важный для картины период, потому как я об этом не думал совсем. Как и не думал ни о чем другом. Голова моя была пуста от мыслей. Как и наш дом, в который я приехал в перерыве между съемками.

Я не знаю, почему все так сложилось. Наверное, просто не хочу признать свою вину во всей этой ситуации. Признать ошибочность своего убеждения в том, что проекты,

они здесь и сейчас, они важны и безотлагательны. В том, что Анна все понимает и совсем не сердится, когда я месяцами пропадаю, лазая то по заснеженным горам, то в непроходимых лесах. Я привык, что дома все в полном порядке, и думал, что так будет всегда. А еще я думал, что Анна довольна нашим браком. И так действительно, возможно, было все шесть лет совместной жизни.

Все стало меняться, когда брак фактически свелся к тому, что меня постоянно не было в то время, как она была предоставлена самой себе. Моей действительной ошибкой было то, что я слишком часто оставлял ее одну. А она просто взяла и заполнила это одиночество другим мужчиной. Рано или поздно это должно было произойти. Но тогда мне казалось, что я попал в какой-то сюрреалистический, совсем искусственный мир, в котором этой ситуации априори не может быть. Нам, мужчинам, свойственно думать, что мы короли, правители всего мира. Что является еще одной, очень большой ошибкой. В действительности, всем правят женщины. В тени, покорно приклонив перед нами головы и спрятав руки в широких рукавах, они управляют нами, как марионетками. А мы, болтаясь на веревках, считаем, что сами все придумали, спланировали и реализовали. Не тут-то было! И правда в том, что они настолько умны, что никогда не признаются в этом. Простил ли я Анну? А мог ли я винить ее? Ослепленный любовью, я не заметил сразу, насколько мы разные. И даже разглядев, долго не хотел себе в этом признаваться. И

злиться я мог только на себя. Хотя и этому предпочел работу.

Чем больше в ресторан прибывало гостей, тем громче становился звук. Музыкальные инструменты были убраны в чехлы, и заведение каким-то невероятным образом забилося артерией с ее пульсирующими в такт движениями. Единый ритм создавал удивительную атмосферу. Сквозь мерцающие огни света, я посмотрел в темную гущу зала и попытался вспомнить, когда в последний раз танцевал. Видимо очень давно, потому что вспомнить я не смог. В отличие от меня, Анна танцевать не любила, и поэтому мы никогда не ходили на танцы. Как и не делали многое другое, что могло бы нас сблизить.

– Я поеду, – сказал я Люку.

– Куда? Веселье же только начинается, – будучи уже изрядно захмелевшим, ответил он.

– Не беспокойся, такси вызову через хостеса, – не слушая его возражений, продолжил я и начал пробираться к выходу сквозь толпу. Мои фразы становились такими же ворчливыми, как и мысли. Я был уставшим и практически трезвым. Такого рода веселье скорее было прерогативой Люка. Потому что, будучи с головы до ног прагматиком, он, даже отдыхая, умудрялся делать свою работу. Каждое питейное заведение, в котором он появлялся, давало ему свою порцию славы и зрелищ. «Какая мне выгода от твоего велосипеда? Кто в твоём лесу сможет предложить мне хорошую роль для тебя?» – спрашивал он, когда я тащил его на горные холмы.

Ну и потом, покинуть ресторан, будучи никем не узнанным, было скорее преимуществом для меня, чем недостатком этого вечера.

Шел я медленно, стараясь не задевать плечом танцующих. Но когда все-таки это происходило, мои извинения никто не слушал. Люди как будто меня не замечали. «Кому в конце концов нужна эта аккуратность?!» – подумал я, когда сильный рывок заставил меня боком отшатнуться в сторону. Чья-то ладонь тянула мое запястье вправо, а тело едва успевало за рукой. «Какого черта?!» – громко произнес я вслух.

– Извините, пожалуйста! Я вас звала, но вы меня не слышали, – огромные серые глаза растерянно смотрели на меня. За столом сидели трое. Две девушки и парень. Мой недовольный вид и, видимо, весьма злобное выражение лица сильно напугали ту из них, которая тянула меня за руку.

– Не злись, – сказал парень, – мы давно тут, и к нам до сих пор никто из ваших не подошел.

– Из наших? – спросил я и посмотрел по сторонам. Никого из моих рядом не было.

– Ну да, все официанты как сквозь землю провалились, – произнесла вторая девушка. Передо мной сидела одна из тех рыжеволосых барышень, изображения которых я видел днем, на «Бане» или на любой другой картине той художницы. Пышные формы, белая кожа, мягкие, добрые черты лица придавали ей тот уютной вид, который совсем не вписывался в антураж ресторана. Даже ее зеленое платье и блестя-

щие туфли на высоком каблуке не исправляли положения. Совсем не замечая моего вопросительного выражения лица и получив одобрителный кивок от парня, она продолжила: «Принесите нам, пожалуйста, ром и воду».

– И вино белое сухое, – нерешительно добавила первая. И тут до меня стало доходить, что они приняли меня за другого.

– Конечно! – выпалил я и быстро отошел. Сказать, что я смеялся, не сказать ничего. Я, как конь, ржал в голос, понимая весь абсурд происходящего. Эта ситуация действительно меня веселила, и, купив в баре алкоголь, я вернулся обратно.

– Взял еще водку, – пояснил я и сел рядом с парнем. – Не возражаете? А лед мы сейчас попросим. Ничего не понимая, все трое переглянулись, после чего синхронно посмотрели на меня.

– Матиас, что ты тут делаешь? – появившись из темноты, Ларс подошел к столу и также вопросительно на меня уставился.

– Вживаюсь в роль! – даже при всем моем драматическом таланте, я больше не мог сдерживать смех. – Не беспокойся, я скоро поеду. Не оставляй Люка, он уже прилично надрался, – закончил я и, похлопав Ларса по спине, практически отпихнул его от стола.

– Мужчина, вы кто? – в недоумении спросила рыжеволосая девушка.

– Видимо, произошло недоразумение, – сказал я неуклю-

же, пытаюсь объяснить мою, возможно неудачную, шутку, – мы тут с друзьями отдыхаем, и вы, – потом, повернув голову, посмотрел на вторую девушку, – должно быть решили, что я тут работаю, – и показал на стоящего возле соседнего стола официанта.

– Как неловко получилось... – произнесла она и опустила взгляд в пол. Парень засмеялся, а следом и все мы.

– Честно говоря, даже не знаю почему эти картины произвели на меня такое сильное впечатление. Но факты таковы, что я весь день всем рассказываю про них. Прежде я никогда не видел такого рода живопись. Они очень реальные, и кажется, что сейчас заговорят с тобой, – сказал я, думая о том, что эти ребята не узнали меня. Или они слишком хорошо это скрывали. Впервые за долгие годы, будучи на публике, я был тем, кем я был. Тем, кто одновременно любит много курить и много заниматься спортом. Тем, кто любит шутить и любит, чтобы шутили над ним. Тем, кто может на спор сделать какую-нибудь глупость. Они считали меня случайным прохожим, который наглым образом оказался в их компанию. И это все был я, Матиас, простой парень из рабочего района Копенгагена, который ненавидит давать интервью, но очень ценит своих поклонников и обожает свою работу.

Водка пришлась весьма кстати, и Федор, так звали парня, поддержал меня, оставив ром рыжеволосой Анфисе, которая была на высоте, поскольку рюмки с ромом опрокидывались с той же скоростью, с какой лилась водка. Вторую девушку звали Инга. Она, как будто, встала с белого покрывала, отрянула с себя пляжный песок и пришла в ресторан с той картины «На пляже». Подстриженные горшком темно-коричневые волосы и круглые очки в роговой оправе придавали ей

тот невероятный шарм, которым обладали многие американские девушки двадцатых годов прошлого столетия. Однако, в отличие от этих девушек, она не была смертельно-худой и бледной. Ее имя, такое грубое и тяжелое, подходило исключительно ее высокому росту, но не выражению лица, а тем более глазам. Когда она, возможно пытаясь понять казус всей ситуации, пристально на меня смотрела, казалось, что я голый. Да, именно так. Голый с головы до ног. Даже без права на фиговый лист. Ее взгляд был одновременно и пронзительным, и глубоким, и я какое-то время не понимал, то ли она видит меня насквозь, то ли я погряз в пучине этого холодного цвета. В отличие от Анфисы, Инга молчала, много смеялась и продолжала пристально на меня смотреть. Неловкость моего положения прошла.

Вечер постепенно шел к своему апогею. Танцующие гости заполнили каждый пустующий метр пола, их руки и ноги ритмично бились в конвульсиях. Были правда и те, кто плавно рисовал в воздухе несуществующие замки либо стоял в стороне, скептически наблюдая вокруг, но таких было меньше. После того, как я отпихнул Ларса от стола, за которым мы сидели, я больше не видел ни его, ни Люка этим вечером. Сейчас они, скорее всего, уже наслаждались женским обществом, расправив плечи и распустив павлиньи хвосты. Разменяв шестой десяток, Люку и Ларсу казалось, что они все так же молоды, как лет тридцать тому назад. Красивые, решительные, свободные! Хотя последнее определение едва

ли можно было применить в их случае. Седину и кожу на шее спрятать, конечно, можно, но рано или поздно водолазку придется снять. А свободными они были ровно до момента возвращения из тура домой.

Супругу Люка звали Катарина, она была спутницей его жизни более двадцати лет. Спокойная милая женщина со взглядом убийцы. Когда они приходили куда-то вместе, Люк виделся мне маленьким щенком с поджатым хвостом, который до смерти боится своей хозяйки. Но самый цимес наступал тогда, когда Катарина звонила ему, а он тем временем, находясь в каком-нибудь питейном заведении, рассказывал каким-нибудь привлекательным девушкам о важности своего вклада в мировую киноиндустрию. Он даже не пытался отойти в сторону для телефонного разговора, брал трубку и голосом певца-кастрата лепетал всякую чушь, боясь ее небесной кары. В такие моменты я, смеясь, говорил ему о том, что ни одна приличная девушка, услышав его манеру разговаривать с женой, не захочет укатить с ним в закат до следующего утра. А он, положив трубку, как ни в чем небывало, возвращался в образ самца-героя, готового подарить прекрасной даме звезды, горы, ну или что там обычно дарят девушке в первую ночь. Замечу, что такое поведение никак не влияло на успех Люка. Он продолжал оставаться успешным, даже иногда будучи щенком своей хозяйки.

Семейная ситуация Ларса была не менее интересной. Агнесс, так звали его девушку, жила с Ларсом какое-то огром-

ное количество лет. И вроде жили, детей родили, но Ларс никак не хотел на ней жениться. Он упорно продолжал считать себя свободным, а свою свободу обосновывал необходимостью создавать гениальное кино. Они ругались. Много и продолжительно долго. Агнесс пугала его тем, что уйдет, забрав детей, а Ларс считал ее слова пустым шантажом и не поддавался на провокацию. Кульминацией их семейной ситуации стал скандал на каком-то фестивале, куда Ларс взял Агнесс. Поскольку такие совместные рабочие поездки были редкостью в их семье, он просто забыл, что приехал не один. Тогда фотографы заработали хорошие деньги, продав снимки Ларса с опрокинутым на его голову томатным супом и Агнесс, которая за волосы тащила из-за стола его собеседницу. Конечно, после такого, ему пришлось потратить кучу денег на антикварное кольцо какой-то датской коронованной особы, приобретенное им у частного коллекционера. Но Агнесс, забрав коробку с украшением, захлопнула перед его носом дверь и поставила условие – либо свадьба, либо конец отношениям.

«Что еще я мог сделать?» – с грустью в голосе говорил он мне, рассказывая про назначенное на предстоящее лето торжество. Правда Ларс был бы не Ларсом, если бы не продолжал считать себя необремененным обязательствами, надеясь на стихийное бедствие, которое отменит свадьбу. В общем, эти ребята имели весьма бурную личную жизнь, однако, в их оправдание отмечу, что людьми они были отзывчивыми,

друзьями верными, а личностями в своей сфере талантливыми.

– Откуда ты приехал? – спросил меня Федор, обратив внимание на мой акцент.

– Из Копенгагена, – ответил я.

– О! Ту селедку я буду помнить, наверное, всю свою жизнь! – ответил Федор, после чего его лицо исказилось в гримасе. – Был я как-то в ваших краях. Друзья с такой гордостью угощали ею. Они так ее хвалили, что я подумал о каком-то вкусном деликатесе. Потом свои мысли пришлось взять обратно. Люди старались для меня. Рыбу эту еле проглотил – не обижать же друзей. Потом еще какой-то кисель молочный дали, сказали надо обязательно запить. Молоко-то я не люблю. А они мне, мол, пей, это вкусно, после селедки так самый вкус. Как вспомню эту молочно-вязкую жижу, так мурашки по телу. Ты только на свой счет не принимай. Народ в вашей стране добрый, хотя и странный.

– Да я и сам его не пью. Все больше по пиву, – несколько не удивившись, улыбаясь, сказал я.

– Матиас, – впервые обратилась ко мне Инга, – а откуда вы так хорошо знаете русский язык?

– Изучал в университете. В смысле не в качестве обязательной дисциплины, а самостоятельно, – ответил я сухо, вовремя сообразив то, что упоминание теории сценического искусства великого русского педагога породит ряд вопросов о моей профессии, обсуждение которой сейчас хотелось бы

избежать совсем.

– А кто вы по профессии? – продолжила она, будто прочитав мои мысли.

После ее вопроса я подумал о том, как давно не слышал его в свой адрес. В этой компании действительно не знали кто я и что тут делаю. Когда ты публичная личность, грани приватности размываются, и порой так сильно, что ты перестаешь понимать намерения своего окружения. Множество человеческих лиц мелькают в твоей жизни также быстро, как дует ветер на острове Барроу в Австралии, а насыщенный график просто не позволяет остановиться и осмотреться вокруг. Это может понять только тот, кто несмотря на все плюсы своего положения, сталкивается с таким жирным минусом, как отсутствие частной жизни в прямом смысле данного термина. Журналисты и фотографы, к сожалению, к таковым не относились. Как и те, кто, являясь твоими яркими фанатами, желал получить в свои руки клочок твоих усов. И не важно, что он выдран с твоей кровью во время давки обезумевшей толпы на премьере нового фильма. Я сделал вид, что не расслышал ее вопроса, поскольку музыка становилась все громче, а голоса все тише. Я и правда уже самого себя не слышал, не говоря о собеседниках.

– Мы в кино собираемся, на ночной сеанс. Не хочешь с нами? – прокричала в мою сторону Анфиса. Не смотря на осоловелый взгляд, ее голос звучал весьма бодро.

– Хочу! – ответил я мгновенно, совсем не желая, чтобы

это вечер заканчивался.

6

Мы вышли из здания. Город блестел вечерними огнями, а в воздухе чувствовалась прохлада, которая постепенно поглощала тепло летнего дня. От такси моя компания отказалась, чему я был весьма рад.

Во-первых, представляя новый фильм в новой стране, мне не так часто удавалось проводить время отдельно от Ларса или Люка, которые всегда тащили меня на важные и нужные встречи. Вследствие чего, я практически никогда не видел той красоты городов, которую можно увидеть гуляя пешком. Музеи и вставки были не в счет, потому что их посещение практически всегда входило в обязательную программу тура, что однозначно указывало на наличие прессы, которая всегда была весьма требовательна.

Во-вторых, пешая прогулка, в отличие от поездки на машине, растягивала этот вечер, как подсохший клей. Приятное общество незнающих меня людей было редкой удачей, упустить которую я не хотел. Поэтому я покорно склонил голову и направился в кино пешком. Я вдруг вспомнил, как в начале своей карьеры, еще тогда, давным-давно, признание публики было так важно для меня. Будучи еще совсем неизвестным, но уже активно снимающимся актером, я считал каждый автограф, который давал изредка узнающим меня прохожим. А потом, уже через время, моя левая рука пе-

рестала функционировать, да так, что я не мог расписаться на плакате или футболке, например. Тело просто отказалось делать то, чего хотели все, кроме меня. С тех пор я полюбил темные шторы и диван. И выкинул из дома все шариковые ручки.

Пока мы шли, начался дождь. Мое предложение все-таки взять такси вызвало у всех смех. После чего Анфиса сняла свои туфли, взяла Федора за руку и, они побежали вперед.

– Со временем я перестал удивляться, – отдаляясь все дальше, крикнул мне Федор.

– Ну лето же! – сказала Инга, торопливо, также взяла меня за руку, и мы побежали следом за ребятами.

Фонари, витрины магазинов, машины – все это быстрой лентой проносилось мимо нас. В тот момент мне казалось, что окружающие предметы безразмерны, а люди безлики. Холодные капли сильного дождя хлестали по лицу, а вода луж, нагретая асфальтом, наполняла ботинки. Иногда мы останавливались. Чтобы покурить промокшие сигареты или еще для чего-то. А потом снова устремлялись вперед, не нарочно заглядывая в светящиеся окна домов. Как долго мы бежали и как близко были к пункту назначения, я не знал, но это приключение мне исключительно нравилось. Хотя бы потому, что оно вернуло меня в далекое прошлое, туда, где впереди еще столько всего.

– Не будет кина! – сказал странного вида пожилой мужчина, закрывая ржавую двухстворчатую дверь какого-то сарая.

– Ну, Михалыч, миленький, ну включи! – взмолилась Инга и погладила его по спине.

– Не положено! И не проси! – продолжил он твёрдо, но как-то совсем неуверенно, – дождь смотри какой был. Оборудование старое, чуть что, пиши пропало. Начальство распорядилось. Ой, как люд разбушевался. Приготовились, разместились, а тут эта погода треклятая. Что тут было! А начальству то что?! Их тут нет. А мне разгребай. Еле уговорил. Обещался им на следующей неделе два сеанса подряд. Вроде сладилось.

– Ну, Михалыч! – протянула Инга жалостно, – с нами гость заморский, нам сегодня без кинá никак нельзя.

– Гость? – сказал Михалыч и пристально на меня посмотрел.

– Да, всего пару дней у нас, на следующей неделе не успеет, – ответила Анфиса весьма правдоподобно.

– Из каких краёв гость будет? – Михалыч зашел в небольшое помещение с тускло горящим желтым светом, которое фактически было пристройкой к веерообразной крыше старой сцены. Высокие железные стеллажи были заставлены какими-то коробками. Краска потолка пожелтела и раскидала

свои потрескавшиеся сети по всей его поверхности. В дальнем от входа углу стояла старая кровать с очень продавленным матрасом. Рядом находилась небольшая тумбочка с дверью без ручки. Складные стулья друг за другом выстроились у стены с большой и, видимо, очень древней батареей, которая сбросила с себя практически все покрытие. Казалось, в комнате никто не жил, но, несмотря на её унылую обстановку, было заметно, что в ней поддерживали чистоту.

– Из Дании, – сказал Фёдор.

– И тебя, Федька, девки прирастили к этой пагубной привычке! Как я экран вам натяну, крыша то протекает?!

– Ну, Михалыч, ну миленький, кому, как не тебе знать. А Анфиска тебе новый свитер свяжет. Да, Анфис? – продолжила заунывно Инга, локтем толкая Анфису в бок.

– Да, – подтвердила Анфиса, – из зелёной пряжи, как ты любишь!

– Нет, нет! Кина не будет. Театр будет. Стулья расставляйте, – проворчал Михалыч себе под нос и скрылся за одним из стеллажей.

Мы с Фёдором взяли стулья и вынесли на сцену, после чего поставили их под крышу, которая, судя по ее виду, могла в любой момент рухнуть. Сцена была деревянной и такой же древней, как те лавочки, которые друг за другом стояли у её начала. Обрамляла всю эту грустную красоту невысокая узорчатая ограда чёрного цвета, которая с противоположной стороны скрывалась за плотно посаженными деревьями. Ко-

гда мы подошли к ней, чтобы войти внутрь, я сначала даже не понял куда привели меня новые знакомые. И как такой тихий сквер может быть в центре такого шумного города тоже не понял. Сначала мы шли по весьма оживленной улице, потом свернули во двор, арка, опять двор, прошли детскую площадку, потом зашли в дверь, которая оказалась проходной, и, выйдя с другой стороны дома, сразу оказались в лесу, что меня очень удивило, однако вопросы я не задавал.

Из помещения вышел старик, держа в руках какие-то полотна. Когда он подошёл ближе, я понял, что нёс он не картины, а квадратную картонную растяжку, с прорезанными внутри фигурами. Он поставил ее на пол и раздвинул в длину. Очертания фигур разобрать я не смог. Следом за ним вышли девочки, которые переоделись в какие-то карнавальные платья. Увидев эти пышные юбки и открытые плечи с рукавами-фонариками, я вспомнил, как снимался в фильме про французского революционера восемнадцатого века. Как от париков жутко чесалась кожа головы, как из-под кюлот постоянно сползали чулки, а в душных корсетах изнемогали актрисы.

– Если не хочешь заболеть, придётся переодеться в сухое. – Инга протянула мне клоунский костюм в красно-белую полоску, который был на пару размеров больше моего.

– Спорить с ними бесполезно, – вздыхая произнес Федор, надевая на себя плюшевый наряд зайца-переростка, – спасибо, что хоть от этого избавили, – и взглядом указал на круг-

люю шапку-цилиндр с длинными, можно сказать огромными, ушами.

Дождь закончился, но в мокрой одежде было действительно холодно и очень некомфортно.

– Делим площадку с детским самодеятельным клубом, – ворчал Михалыч себе под нос. Пока мы переодевались, он поставил на сцену несколько высоких свечей и большого размера железный ящик, который был увеличенной копией моего детского проектора для диафильмов. Этот чудо-ящик был для меня, маленького мальчика, самым дорогим сокровищем, я берег его больше, чем остальные свои игрушки.

– Без актеров театр. Теневой, – объяснил Федор, обратив внимание на мое недоумение. Однако задумчивое выражение моего лица было вызвано всего лишь теплыми воспоминаниями, которые, как оказалось, совсем не забылись, а просто таились где-то глубоко, ожидая любого, пусть даже совсем незначительного повода всплыть на поверхность. Я вспомнил то, как ждал этих вечеров, в которые с помощью бледного луча оживала белая стена нашего гаража. Мое нетерпение было таким тягучим, таким ноющим. Наблюдая за моими мучениями, мама всегда старалась отвлечь меня. И ей превосходно это удавалось. Это зудящее чувство желаемого сейчас, а никогда либо еще, проходило и забывалось. Конечно, она могла позволить мне проводить больше времени за просмотром диафильмов, но тогда пропало бы то волшебство, которым горели мои глаза, пока я сидел рядом с

этим чудо-ящиком. Мама знала и это.

– Молодежь, сворачиваем лавочку. Техники на подъезде. Что тут проверять то ночью, в дождь? Количество пленок, если только. Ну вдрызг надоели! Уйду! Все брошу и уйду! Сторожем пойду. В садик. Они меня давно зовут. Ну скоренько, скоренько! – возмутился Михалыч, задувая свечи.

– Михалыч, а костюмы? – расстегивая молнию, сказал Федор.

– Да потом! – ответил Михалыч, – завтра занесете. Анфиса быстро собрала с батареи наши вещи, и мы скрылись за калиткой.

8

Мы опять бежали. Бежали быстро, поскольку совсем не хотелось быть обвиненными в краже сценической одежды детского клуба. Тротуар сузился до возможно-минимальной ширины, а место высоких домов, скалами нависающих над дорогой, заняли старые, отреставрированные на новый лад небольшие особняки.

– Ну, тогда идем слушать оркестр, – сказала Инга, когда мы остановились, убедившись в том, что нас не преследуют внезапно-нагрянувшее техники уличного кино.

– А поеть?! – еле восстановив дыхание, возмутился Федор. Ему было особенно непросто, поскольку тяжелый материал костюма вместе с объемной поролоновой хвостовой частью, во-первых, был весьма жарким, а во-вторых, не позволял ногам маневрировать при беге.

– Обязательно! – ответила Анфиса и ласково посмотрела на Федора.

Переулки были коротким и ломанными. Один, не успев начаться, практически сразу же перетекал в другой. Иногда дорога была такой узкой, что нам приходилось разбиваться на пары, чтобы пройти. Переодеваться мы не стали, потому что, во-первых, было негде, во-вторых, не хотелось тащить в руках эти огромные одеяния. Избавиться от них мы тоже не могли, потому что не могли подвести Михалыча. Так и

шел я в костюме клоуна рядом с зайцем и двумя барышнями, которые, казалось, сбежали из бального зала. Прохожих практически не было, а те, которые нам встречались, просто удивленно на нас смотрели. Все происходящее казалось мне каким-то сюрсом, нереальностью. Думал ли я когда-нибудь о том, как выгляжу со стороны?! Не то, чтобы это меня заботило, однако какие-то внутренние комплексы, в которых я боялся сам себе признаться, иногда заставляли меня сомневаться. Плохо ли быть смешным?! Для меня скорее страшно. Видеть то, что осуждают твой внешний вид, твои мысли, желания. Только теперь это было в прошлом, я на это слишком надеялся. Все страхи остались там, в браке с Анной. А сейчас их нет, потому нет этого, порой, непонимающего взгляда. Мог ли я быть героем для нее? А хотел ли, понимая то, что моя жена совсем не видела во мне интересного привлекательного мужчину?!

Пока я блуждал в своих размышлениях, мы дошли до какой-то летней закусочной, меню которой предлагало одно единственное блюдо – жаренную лепешку с мясом и овощами.

– Я обычно беру овощную, – сказала мне Инга, – и еще очень холодный лимонад. Они его тут сами делают.

– Мужчинам мясо нужно. Много. И пиво, – перебил ее Федор, заказывая две мясные лепешки, одну овощную и еще одну с курицей, для Анфисы.

– Матиас, а что вы с друзьями сегодня отмечали? – спро-

сила меня Анфиса, пока мы ели эту незатейливую, но вкусную еду.

– Мой друг режиссер, и сегодня мы отмечаем премьеру его нового фильма, – ответил я растерянно, поскольку не успел придумать ничего более завуалированного.

– Вот это да! – воскликнула Анфиса. – А что за фильм? Когда его будут показывать в кино? А ему актрисы нужны?

– Анфиса! – тихо одёрнул ее Федор.

– Чего я такого страшного спросила? – Анфиса обиженно поджала губы.

– Да нет, – улыбнулся я, – ничего страшного. Кино документальное, историческое. Показывать его будут разным историко-культурным организациям, – соврал я, – а нужны были ему скорее актеры, потому что события военного времени.

– Понятно, – вздохнув, произнесла Анфиса. По краткости ее ответа и скучающему выражению лица, стало ясно, что данная тема совсем ее не заинтересовала. Однако стоило Федору подойти и взять ее за руку, как взгляд ее ожил. Он засверкал мягкостью и какой-то невероятной нежностью. Обычно так смотрят любящие матери на своих детей, или, например, сильно влюбленный человек. Анна никогда на меня так не смотрела. Если только в самом начале наших отношений. Или я просто не замечал. А потом стал видеть только безмолвное осуждение. За то, что не оправдал ее ожиданий, пустив на самотек наш брак и смиренно наблюдая за тем, как

он рушится. Понимал ли я это тогда?!

Потом мы прошли еще пару кривых переулков и вышли на главную площадь города. Не смотря на вечернее время, на улице было многолюдно. Сколоченные на скорую руку деревянные домики множеством рядов стояли друг за другом. Разного рода сувениры украшали прилавки и края соломенных крыш. Небольшие толпы людей перемещались от витрины к витрине. Кто-то сидел на асфальте, слушая, как надрывая связки, поет уличный музыкант, кто-то качался на подсвеченных фонарями каруселях, а кто-то просто гулял, рассматривая окружающих и все вокруг. Пожилые пары, молодежь, семьи с детьми. На секунду мне показалось, что я нахожусь на ратушной площади Копенгагена, которая всегда украшалась к какому-нибудь празднику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.